

Пригороды Улан-Удэ: практики гражданства и реализация «права на город»¹

А. С. Бреславский

Анатолий Сергеевич Бреславский, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра урбанистики Тюменского государственного университета. 625003 Тюмень, ул. Ленина, д. 23. E-mail: breslavsky@imbt.ru

Аннотация. Автор показывает, как в ближайших пригородах Улан-Удэ, бурно разросшихся в 2000–2010-е гг. за счет индивидуальной усадебной застройки (в т.ч. в форме ДНТ²), изначально не обеспеченной в большинстве случаев базовой инженерно-бытовой и социальной инфраструктурой, местными жителями формировалось и отстаивалось «право на город»: комфортную среду проживания в пригородных жилых районах, равный доступ к городским общественным благам и пр. Борьба за это право включала в себя социальную и политическую мобилизацию населения, осознание и принятие жителями личной ответственности за развитие своих территорий, в том числе в рамках территориального общественного самоуправления (ТОС), получившего широкое развитие в Бурятии в 2010-е гг. Эта борьба, однако, не была повсеместной, всеохватывающей, постоянной и устойчивой, равно как и сами местные сообщества (населенные пункты, отдельные ДНТ, ТОСы) все еще остаются в основном разобщенными (как минимум по отношению друг к другу), консолидируются лишь в «моменты» решения общих проблем. Случай Улан-Удэ и его пригородов в целом указывает на ситуативную природу городского гражданства, сохраняющую фрагментарность городских и пригородных сообществ в их, казалось бы, общей борьбе за адекватное качество городской/пригородной среды, равный доступ к общественным благам и ресурсам города. Исследование указывает и на разномыслие моральных логик в обосновании «права на город», которые могут прямо противоречить друг другу, учитывая, что идеалы, заложенные в этом праве, часто попросту не осознаются рядовыми жителями. Исследование опирается на опыт включенного наблюдения автора (с 2011 г. по н.в.), серию глубинных интервью с лидерами и активистами ТОС и ДНТ пригородных поселений Улан-Удэ, записанную в 2021 г. — январе 2024 г., материалы фокус-группы по проблематике исследования (январь 2024 г.) и анализ публикаций в СМИ.

Ключевые слова: право на город, Россия, Улан-Удэ, пригороды, гражданство, территориальное общественное самоуправление, сельско-городские мигранты

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-1-75-95

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10123 «Право на город при социализме/постсоциализме: городской дискурсе, практики гражданства и place attachment» (рук. А. С. Иванов). <https://rscf.ru/project/23-78-10123/>
2. ДНТ — дачные некоммерческие товарищества.

Фактическое содержание понятия «право на город» и его реализация в современной России, пожалуй, слабо связаны с тем, что мы наблюдали и наблюдаем, например, в западноевропейских и североамериканских странах — регионах, где это право впервые было академически осмыслено и наиболее активно, пусть и волнообразно, обсуждалось с конца 1960-х годов (Lefebvre, 1968; Harvey, 2006). Рассуждая о применимости весьма политизированной концепции «право на город» А. Лефевра к современным российским реалиям, стоит обратить внимание на то, что общественный и, в частности, академический интерес к этому праву формировался в разных регионах мира обычно в период и после крупных протестных кампаний, которые могли охватывать отдельные города, регионы или страны в целом, усиливаться в периоды экономических, политических потрясений вроде глобального кризиса 2008–2009 годов (Marcuse, 2009: 187–189). Поводом для этих общественных движений была не только борьба за те или иные общегражданские права в городах, но также борьба за справедливые, демократичные, гуманные, устойчивые города, против неограниченного влияния на них и городские сообщества международных корпораций, крупного частного капитала. Это были и движения горожан за возможность более широкого доступа к городской политике. Если говорить конкретнее, речь шла, например, о борьбе против джентрификации городских территорий (не только в развитых, но и в развивающихся странах (Maier, 2009: 367), приватизации общественных пространств, ущемления прав отдельных групп городского населения по критерию дохода, расы, национальности, религии, миграционного статуса и пр. Речь идет в том числе о наиболее угнетенных, маргинализированных, низкооплачиваемых и незащищенных членах городского сообщества. При этом в европейских и североамериканских странах в такого рода движениях важную роль играли и играют, как мы знаем, независимые неправительственные организации (Maier, 2009: 369).

Является ли обозначенная повестка актуальной для городских сообществ в России? А если является, готовы ли горожане в России отстаивать ее публично? Весьма важные вопросы, дать ответы на которые сейчас сложно. Если в отдельных странах мы наблюдали и наблюдаем, как горожане мобилизуются для борьбы против переселения, за доступное жилье, образование, справедливую заработную плату, возможности трудоустройства для молодежи, протестуют против роста цен на общественный транспорт и пр. (Blokland et al., 2015: 655), то в специфических реалиях современной России повестка городских общественных движений, НКО наполнена, как представляется, несколько иным и одновременно «санкционированным» государством содержанием. В основном она не принимает и провокационные формы, вроде воинствен-

ных восстаний, общенациональных протестных движений, крупных митингов на центральных городских площадях, которые могли бы вовлечь в себя совершенно разные социальные группы населения и т.п. В этой связи рассуждать о «праве на город» в его лефевровском смысле, в логике критической городской теории сейчас весьма непросто, поскольку это все чаще предполагает не просто исследование ситуации, но и разработку программы действий по ее изменению, дальнейшую политизацию этой программы (Marcuse, 2009: 193–194).

В последние годы по понятным причинам публичная городская протестная активность в стране сошла на нет, уже и вне зависимости от ее политического контекста. Общественные движения, в повестке которых стояли вопросы городского развития, прошли через строгий государственный контроль. Наилучшие позиции получили те объединения граждан, НКО, которые сумели инкорпорироваться в государственные институты или получали их поддержку (через такие сильные финансовые инструменты, как президентские гранты для НКО, аутсорсинг части функций государственных, региональных и местных органов власти некоммерческим организациям с соответствующим финансированием и т.п.).

Однако «право на город» в России, в определенной мере ограниченное, как система ценностей и практик никуда не исчезло. При этом отдельные компоненты этого права, вроде расширенного участия в городской политике, вообще могут не волновать большинство россиян. Более реальными, как представляется, остаются универсальные запросы на качественную городскую среду, на равный доступ горожан к общественным благам города и т.п. Всем этим продолжают заниматься активные горожане, их сообщества, НКО, а также территориальные общественные самоуправления (ТОСу) на местах³.

Схожее понимание права на город с акцентом на качество городской среды, равный доступ горожан к общественным благам города транслирует и Международная хартия права на город, созданная в первой половине 2000-х годов: *«Право на город расширяет традиционную направленность на улучшение качества жизни людей в пределах их жилья и района, охватывая качество жизни в масштабе всего города и его сельских окрестностей, как механизм защиты населения, которое живет в городах или регионах со стремительными процессами урбанизации»*⁴.

Обращаю внимание на два тезиса из приведенной цитаты:

3. См.: Общероссийская ассамблея развития территорий и общественного самоуправления (в 2016–2023 — Общенациональная ассоциация ТОС). URL: <https://oatos.ru/o-nas/>
4. World Charter for the Right to the City // Global Platform for the Right to the City. URL: https://www.right2city.org/wp-content/uploads/2019/09/A1.2_World-Charter-for-the-Right-to-the-City.pdf

1) право на город распространяется не только на собственно город, но и на его сельские или полусельские окрестности (*rural or semi-rural surroundings*); 2) оно — это право — выступает как механизм защиты населения в условиях стремительной урбанизации. Вероятно, появление этого программного документа в первой половине 2000-х годов было реакцией на бурные урбанизационные процессы в странах Глобального Юга во второй половине XX века, однако он оказывается важен и для развитых стран, урбанизация в которых стабилизировалась, получила новые проявления (дезурбанизация, субурбанизация, джентрификация и пр.), что также создавало кризисные основания для «активизации» права на город, которым могли активно пользоваться как уязвимые слои населения, так и средний класс. Хрестоматийный пример — пространственная сегрегация городского населения в США, связанная с послевоенной субурбанизацией, в результате которой пригороды получили лучшие условия для развития, в то время как многие крупные городские центры приходили в упадок. При этом право на город, как в 2011 году отмечал Э. Мэррифилд, могло уже не иметь ценности для тех, кто обладает властью и богатством, уже давно превратился в жителей благополучных пригородов, покинул центр, перебравшись на городскую периферию, «оставив обездоленным задачу повторной сборки пестрых осколков центра города» (Merrifield, 2011: 475).

Это справедливо, если речь идет именно о богатых и властных жителях пригородов, а не, например, относительно бедных горожанах или сельско-городских мигрантах, для которых пригороды стали единственной реалистичной возможностью в их стремлении быть ближе к тому или иному городу, его рынку труда, инфраструктуре и прочим ресурсам. В этом случае их желание обеспечить на своих территориях качество жизни, сопоставимое с городским, потребность получить доступ к базовым городским благам могут стать основной для социальной или политической мобилизации населения в его борьбе за «право на город», инициировать специфические практики гражданства, когда люди осознанно принимают ответственность за развитие территорий, на которых они проживают. Показательна, например, история урбанизации Бразилии второй половины XX века, когда «благодаря» практике самовольного строительства многие новые горожане здесь не только стали домовладельцами в течение одного поколения, но и начали выражать свои требования государству, особенно в отношении городских услуг и инфраструктуры, а также политического участия (Holston, Caldeira, 2008: 21). Хорошей иллюстрацией такой природы возникновения «права на город» и практик гражданства, возникших «снизу» и поддержанных «сверху» (пусть и не сразу), может выступить один из городов на востоке России — постсоветский Улан-Удэ и его ближайшие пригороды (Бреславский, 2014; 2017).

Улан-Удэ — столица Республики Бурятия, третий по численности населения город в Дальневосточном федеральном округе РФ (после Хабаровска и Владивостока). На начало 2023 года, только по официальным данным, в нем проживало 436 тыс. человек⁵. Город, имея длительную дореволюционную историю, в 1923 году был «назначен» столицей Бурят-Монгольской АССР, а впоследствии стал одним из крупных промышленных, научно-образовательных и культурных центров на востоке страны (Базаров, Балдано, 2016). Масштабный прирост населения Улан-Удэ в советские десятилетия (от 20 до 350 тыс. человек) длительное время не обеспечивался сопоставимыми объемами вводимого благоустроенного жилья, в результате чего на территории республиканской столицы возникли значительные по площади неблагоустроенные массивы жилого сектора, составленные из усадебных участков с деревянными домами. Уже в современный период в административной практике эти территории получили наименование «отдаленные микрорайоны». Сегодня по всему периметру Улан-Удэ их более 40. Часть из них появилась в результате самовольного строительства еще в советский период. Так, в 2014 году администрация города отчитывалась о том, что ему в наследство с советских времен осталось 3780 самоволок⁶.

В постсоветский период, обладая в республике наибольшими ресурсами, Улан-Удэ оставался важнейшим центром притяжения внутрирегиональных мигрантов — жителей сельских районов, пгт, малых городов (как русских, так и бурят). В 1990–2010-е годы численность жителей регионального центра, несмотря на стабильно высокую выездную миграцию, увеличилась на 85 тыс. человек, или почти на четверть (24,1%), а население его ближайших пригородов — 22 сельских населенных пункта в радиусе 25 км от центра города — и вовсе выросло в 4,6 раза, с 18 до 83 тыс. человек⁷. В основе прироста в обоих случаях была преимущественно центростремительная миграция в Улан-Удэ, которая в жилищном секторе получила свое развитие главным образом в виде индивидуального усадебного строительства на обширных городских окраинах и в пригородных поселениях, в результате чего они сохранили/приобрели в основном сельский или гибридный — сельско-городской облик.

5. Численность постоянного населения РФ по муниципальным образованиям на 01.01.2023 г. // Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_MO_2023.xlsx
6. Основные результаты за 2013 г. и перспективы деятельности органов местного самоуправления ГО «г. Улан-Удэ» // Администрация города Улан-Удэ. URL: http://www.ulan-ude-eg.ru/razvit/Ocenka_effektivnosti/4.1/Ulan-Ude%20svod.pdf
7. Рассчитано автором по данным запроса в Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия.

А. С. Бреславский
Пригороды Улан-Удэ: практики гражданства и реализация «права на город»

Вновь, особенно во второй половине 1990-х — 2000-е годы на городской периферии стало процветать самовольное строительство, которое удалось прекратить в основном лишь к середине 2010-х годов, хотя отдельные акции по сносу «нахаловок» были инициированы администрацией города уже в самом начале 2000-х годов. Так, в период с 2001 по 2013 год только в Улан-Удэ было возведено 2370 самовольных домов⁸, а сколько их появилось в пристольничных районах республики⁹, а позднее «легализовано» в форме тех же ДНТ, вероятно, уже не скажет никто. Улан-Удэнские «нахаловки» получили относительно широкую известность в России не только благодаря публикациям в региональных СМИ, но и статьям Н. И. Карбаинова в центральных научных изданиях, в которых он, в частности, описывал рост гражданской активности самовольщиков в ситуации, когда возникал вопрос о насильственном сносе их домов, выявил, какие аргументы они привлекали в защиту своего «права на город» — захват городской земли и самовольное строительство (образ самовольщика как жертвы обстоятельств, образ «ничейной земли», «дедовых домов» и пр.) (Карбаинов, 2005; 2007).

Заметным направлением периферийного разрастания Улан-Удэ по обе стороны от его административных границ в 2000-е — первой половине 2010-х годов стала трансформация старых дачных товариществ в жилые территории с круглогодичным проживанием, а также создание десятков новых ДНТ, в меньшей степени — СНТ с этой же целью, а также для узаконения ранее самовольно возведенных строений¹⁰. В условиях либерализации процессов распределения и застройки городских и пригородных земель в 1990–2000-е годы подобного рода ДНТ и СНТ зачастую создавались и осваивались «предприимчивыми» жителями республики (как сельчанами, так и горожанами) с многочисленными нарушениями законодательства, а новые территории изначально не обеспечивались базовой инфраструктурой, застраивались домами настолько уплотненно, что в последующем на их территории уже сложно было разместить, например, какие-либо крупные социальные объекты. В 2014 году действующий на тот момент глава Республики Бурятия В. В. На-

8. Основные результаты за 2013 г. и перспективы деятельности органов местного самоуправления ГО «г. Улан-Удэ» // Администрация города Улан-Удэ. URL: http://www.ulan-ude-eg.ru/razvit/Ocenka_effektivnosti/4.1/Ulan-Ude%20svod.pdf

9. Фактически пригородное расселение охватывает ближайшие к городу населенные пункты Заиграевского, Иволгинского и Тарбагатайского районов республики.

10. Часть городских и пригородных ДНТ создавались жителями специально для легализации прав на захваченные ранее земельные участки и самовольно построенное жилье: В Улан-Удэ для узаконения самовольных жилых домов созданы еще семь ДНТ и СНТ. 12.10.2011 // Байкал Дейли. URL: <https://www.baikal-daily.ru/news/16/33121/>

говицын, комментируя эту ситуацию, отмечал: «*К сожалению (у нас. — А. Б.), нет практически ни одного ДНТ и СНТ, которые были бы созданы по закону*»¹¹.

Наибольшие масштабы «дачное» строительство получило в Улан-Удэ и на территории Иволгинского района республики, прилегающего к столице региона с запада. Так, если на всей территории Улан-Удэ в 2022 г. существовало 103 ДНТ и СНТ¹² (что весьма значительно), то на территории Иволгинского района действовало к этому времени уже 115 ДНТ и СНТ, в которых, по данным главы районной администрации, проживало 26 тыс. чел.¹³, или, по нашим расчетам, около 38% от официальной численности населения всего района. Совокупно более сотни ДНТ и СНТ существовало к 2022 г. и на территории еще двух пристольных сельских районов — Заиграевского и Тарбагатаевского.

Основная проблема в развитии этих территорий заключается сегодня в том, что по российскому законодательству ответственность за инфраструктурное развитие ДНТ, СНТ и пр. несут сами собственники участков. Соответственно, бюджеты местного и регионального уровня не могут направлять средства на благоустройство этих микрорайонов (ремонт электросетей, автодорог, строительство садов и пр.), пока они не будут переданы под управление администраций населенных пунктов, нагрузка на которые в Улан-Удэ и его пригородах в последние десятилетия и так серьезно возросла. Именно поэтому часть ДНТ в последние годы была преобразована в микрорайоны ИЖС, что было выгодно жителям, поскольку в этом случае они получали формальное право на внимание и средства местных администраций.

Фактически в 2000–2010-е годы жители городских и пригородных ДНТ и СНТ в основном оставались наедине со своими проблемами. Годами город, его пригородные села, ДНТ и СНТ жили каждой своей жизнью, поскольку ни финансовых ресурсов, ни политической воли для, скажем, построения общей рабочей повестки в республике не хватало. При этом зачастую на городских окраинах, и особенно в сельских пригородах, жилищное строительство в 1990–2010-е годы не было обеспечено даже базовой инфраструктурой, что уже в 2000-е годы породило множество трудноразрешимых инженерно-бытовых, коммунальных, транспортных, экологических проблем (Бреславский, 2014; 2017). Так, подавляющее

11. Глава Бурятии: Нет ни одного созданного по закону ДНТ. 27.03.2014 // Московский комсомолец. Улан-Удэ. <https://ulan.mk.ru/news/2014/03/27/1004653-glava-buryatii-net-ni-odnogo-sozdannogo-po-zakonu-dnt.html>.

12. Глава Бурятии поручил правительству и мэрии заняться проблемами пригородных СНТ и ДНТ. 11.03.2022 // Вести Бурятия. URL: <https://bgtrk.ru/news/society/214258/>

13. ЦУР Бурятии провел прямой эфир с главой Иволгинского района. 26.07.2022 // Новая Бурятия. URL: https://newbur.ru/newsdetail/tsur_buryatii_provel_pryamoy_efir_s_glavoy_ivolginskogo_rayona/

большинство частных домов в городе (не говоря о пригородах) не было и до сих пор не подключено к центральному водо-, тепло-снабжению, городской канализации; отопление домов дровами, углем уже привело к ежегодным проблемам с качеством воздуха и пр. Буквально до последних лет значительные по численности населения пригороды Улан-Удэ не были обеспечены доступной социальной инфраструктурой (образовательными, медицинскими и пр. учреждениями), оставались слабо охвачены маршрутами городского и пригородного транспорта и т.д. Лишь в последние 3–5 лет благодаря средствам федерального и республиканского бюджетов здесь стали появляться первые важнейшие социальные объекты вроде новых школ, садов, фельдшерско-акушерских пунктов и т.п., снизившие, но не решившие полностью возникшие ранее проблемы.

В 2022 году нынешний глава Бурятии А. С. Цыденов, пожалуй, впервые в современной истории улан-удэнских пригородов публично обозначил намерение регионального правительства всерьез заняться решением проблем городских и пригородных ДНТ и СНТ: *«Мы понимаем, что легко сказать: “Уважаемые, это ваши проблемы, вы же хозяева. Вы же сами это купили, понимали, куда шли, понимали, что это не поселение, а частное товарищество, поэтому все вопросы — они ваши”. Но с учетом того, что это по факту уже становится населенным пунктом, а не дачей, и у многих ДНТ и СНТ — это единственное жилье, а не летний домик, мы понимаем, что помощь им стоит для нас огромных денег. Это касается и электросети, и состояния дорог. Опять же, чтобы зайти на эти дороги, у нас нет на это права. Мы можем зайти туда только при режиме ЧС»¹⁴.*

Если обратиться ко все той же Международной хартии права на город, то бурно выросшие пригороды Улан-Удэ (новые ДНТ, СНТ, расширяющиеся пригородные сельские населенные пункты), безусловно, выступают ее важными адресатами. С другой стороны, не будем забывать, что «право на город» — это не только своего рода юридическая категория, но и моральная. А мораль в разных логиках здесь может быть иной.

«Вот это представление о равном доступе к общим городским благам — оно слишком возвышенное, оно для интеллектуалов, понимаешь, которые могут приподняться над уровнем житейских проблем. Ну, смотри, как думает большинство горожан, кто не бывал в пригородах, в ДНТ, кто живет в квартирах. Они думают, что там сплошь сельские жители. Вот наприезжали, понаехали из своих деревень. Почему им город должен что-то давать? <...> А они приехали, я считаю, во многом безответственно поселились в пригородах, кто-то бесплатно получил

14. Глава Бурятии рассказал о планах правительства республики на ДНТ и СНТ. 15.04.2022 // Новая Бурятия. URL: https://newbur.ru/newsdetail/glava_buryatii_rasskazal_o_planakh_pravitelstva_respubliki_na_dnt_i_snt/

участок, кто-то небольшие деньги заплатил, и теперь ждут, что им все должны дать, что они, мол, такие бедные, обездоленные. Если ты понимаешь, что нет денег на общие нужды, зачем лезть в ДНТ?» (председатель ТОС, г. Улан-Удэ).

У самих жителей пригородных сообществ может быть другая моральная логика: для многих из них переезд в пригороды, не обеспеченные инфраструктурой, был во многом вынужденным или даже единственным возможным способом обрести свое собственное жилье у города. Одновременно местное население в своем абсолютном большинстве — это коренные жители республики («земляки») — а не «какие-то люди со стороны», что позволяет им требовать внимания со стороны региональных властей. Если рассмотреть право жителей пригородных ДНТ/СНТ на город как моральную категорию, «моральное требование, основанное на фундаментальных принципах справедливости, этики, морали, добродетели и добра» (Marcuse, 2009: 192), можно без труда найти и другие доводы для легитимации такого права.

В ситуации с ДНТ/СНТ, расположенными в Улан-Удэ и его пригородах, «право на город» даже в узком его смысле (как право на ресурсы города) проявляется, как мы видим, весьма противоречиво. Необходимо иметь в виду, что, несмотря на заметное инфраструктурное преобразование города в последние годы, строительство новых и ремонт старых социальных объектов, дорог, общественных пространств и пр., в самом Улан-Удэ остается достаточно территорий с инженерно-бытовыми проблемами как в многоэтажном, так и в одноэтажном секторе («отдаленных микрорайонах»), не говоря уже о таких сложных проблемах, как, например, модернизация общегородской энергетической и коммунальной инфраструктуры.

Основная сложность в реализации «права» жителей Улан-Удэ и его пригородов на комфортную городскую среду, равный доступ к ресурсам города все последние десятилетия сводилась, по-моему, преимущественно к финансовым вопросам, в частности, к низкой платежеспособности населения в целом, постоянному дефициту городского и республиканского бюджета. Региональным властям и сегодня приходится решать, на какие цели направить бюджетные средства, как обеспечить их справедливое распределение. Например, построить новую школу в бурно разросшемся за счет ДНТ и ИЖС пригородном селе или в одном из «отдаленных микрорайонов» Улан-Удэ? Отремонтировать 20 дворов в центральной части города или построить детские площадки на городских окраинах? Отдать приоритет дальнейшему благоустройству старых центральных городских микрорайонов или «снижать» остроту инфраструктурных проблем в новых пригородах региональной столицы? Кроме того, республиканское правительство должно решать и проблемы сельских районов, из которых население выезжает в Улан-Удэ как раз в силу отсутствия на селе современной инфраструктуры и кадров. В случае с ближайшими пригородами Улан-Удэ все также

непросто: каким населенным пунктам (а их более 20) или новым микрорайонам ИЖС, многочисленным ДНТ отдать предпочтение в благоустройстве? Как мобилизовать граждан на решение собственных проблем и одновременно не создать в их среде протестного потенциала? Безусловно, эти проблемы хорошо осознавались региональными органами власти, учитывая ту же пролонгацию процессов легализации самовольного строительства в городе и его пригородах в 2000–2010-е годы.

«Право на город» и пригородные сообщества

В данной статье я постараюсь обратить внимание лишь на ближайшие пригороды Улан-Удэ, точнее, на то, как местные жители отстаивали свое «право на город» в условиях постоянного дефицита личных ресурсов и средств бюджетов пригородных поселений. В качестве исследовательских кейсов мною были взяты пригородные поселения Улан-Удэ, расположенные на территории Иволгинского района. Среди четырех муниципальных районов республики, окружающих Улан-Удэ, именно в нем прирост населения и рост застройки за счет ДНТ, ИЖС оказался особенно выраженным. Общая численность его населения в 1989–2020 годы возросла с 24,7 до 64,8 тыс. человек, т.е. в 2,6 раза (на 162%), что вывело район на первое место по относительным и абсолютным показателям прироста населения среди всех пристоличных муниципальных районов/городских округов во всем Дальневосточном федеральном округе РФ (Бреславский, 2023: 27–28).

Существенные изменения в численности местных жителей буквально до начала 2020-х годов не сопровождались здесь сколь-нибудь сопоставимыми вложениями в инфраструктурное развитие территорий. Например, нескольким тысячам детей годами не хватало мест в районных (созданных еще в советский период) школах, детсадах, родителям приходилось искать различные способы их прикрепления в городских образовательных учреждениях. Не справлялись с нагрузкой и местные медицинские организации, администрации поселений и пр.

«Школа в Нижней Иволге — это одноэтажное здание, маленькое. И у нас дети ходили в аэропорт (мкр. Улан-Удэ. — А. Б.). Проблема была в том, что портовские кричали там, что у нас и так перегруз. В три смены все занимались. Детей некуда было девать» (председатель ТОС, Иволгинский район). *«Проблема со школами и сейчас есть: кто хочет в городские школы, понятно, что там выбор лучше, как и раньше, делают прописку в городе, как-то договариваются с руководством школ, через знакомых»* (житель ДНТ, Иволгинский район). *«К врачам я ходила в город, т.к. не хотела ехать в Иволгу. И многим так неудобно было. Почему у нас не прописывались* (в Иволгинском районе. —

А. Б.)? В чем проблема была? Потому что люди у нас обслуживаются в городе. И садики, и школа — все делали городскую прописку» (председатель ТОС, Иволгинский район).

Местные администрации на запросы жителей относительно решения их наиболее важных инфраструктурных проблем в 2000–2010-е годы, как правило, отвечали отказом, ссылаясь на слабость поселковых бюджетов. Одновременно в те же 2010-е годы на территории Иволгинского района по согласованию с местной администрацией отдельными гражданами создавались все новые ДНТ, усложнявшие ситуацию, в то время как эти территории могли быть проданы, сданы в аренду, т.е. принести местным бюджетам дополнительные неналоговые доходы для решения проблем на уже застроенных территориях.

«В основном поначалу застройка была за счет ИЖС, где-то местами были самовольщики. Но в основном по документам все было правопорядочно. Потом у нас ДНТ стали массово расти. В связи с тем, что у нас нашлись ушлые люди. Я вообще против этих ДНТ, потому что это натуральное облопошивание, грубо говоря. Они берут участки под ДНТ бесплатно, а продают платно. И говорят: у нас список есть, кто будет там строиться. На самом деле, никого из этих людей там может и не быть, они там не живут. Участки они получили, потом перепродали» (председатель ТОС, Иволгинский район).

Осознавая возникающие и усложняющиеся инфраструктурные, социально-бытовые, экологические, транспортные и иные проблемы в пригородах Улан-Удэ, местные власти фактически (в основном вынужденно) игнорировали их. Эта ситуация, несмотря на регулярные публикации в региональных СМИ, ролики на местном телевидении, не получала деятельного решения на республиканском уровне как в весьма сложные 1990-е — начало 2000-х годов, так и позднее, после стабилизации финансово-экономического положения в стране и регионе. Считалось, что

«раз нет денег у района, у республики на решение наших проблем, то и зачем что-то требовать. Как бы раньше думали, хоть ты тресни, денег нет и ничего не построить. А потом пошли государственные программы «Образование», «Медицина», дележка средств началась в городе, по районам. И здесь уже пошла активность, все зависело от людей. Главное — было успеть залезть в поезд, важно было владеть информацией. Мы взаимодействовали с нашей поселковой администрацией. <...> И мы начинали будировать, а почему не у нас строят, почему мы не делаем, а давайте телевидение позovem» (председатель ТОС, Иволгинский район).

Один из действенных примеров такого рода стратегии продемонстрировали активные жители улуса Хойтобэе Нижнеиволгинского сельского поселения, которые раньше других в районе смогли социально и политически мобилизовать население своего населенно-

го пункта, в том числе ДНТ для решения наиболее значимых инфраструктурных проблем. Отмечу, что число жителей этого улуса за весь постсоветский период выросло с 0,4 до 5,3 тыс. человек¹⁵.

«В 2000-е гг. у нас был застой, хаотичная вот эта застройка. Хотя совсем рядом город. <...> Получается, мы все себя считаем городскими, хотя находимся в сельской местности. <...> 10 лет назад мы деревней были. Натуральная деревня была. <...> коровы ходят, асфальта нет, воды нет, вообще инфраструктуры никакой нет. Ни садика, ни ФАП, школы, амбулатории нет, ничего нет. <...> В 2007 г. первый толчок пошел. Методом народной стройки построили здание одноэтажное 100 кв. м из бруса. Там была библиотека, клуб и ФАП. Район его по нашей просьбе взял под шефство. Потом уже, позже, когда ТОСы пошли активно с 2013 г., у нас ТОС «Тамир» начал работать. Они первые начали юрту спортивную делать, уже большой такой объект. И здесь глава поселения стал значительным фактором вообще. От главы все зависит. <...> И вот нас собрал. <...> Началось все с юрты, после этого пошло движение, пошла поддержка от государства, они же субсидию получили, чтобы закончить эту юрту. Потом пошли конкурсы ТОСов, и нам говорят: давайте действуйте. <...> Объявили марафон, все это у нас получилось, собрали 400 тыс. Люди активно начали подключаться методом народной стройки, ходить, кормить, участвовать. Потом так же на стадион переметнулись, его мы также быстренько сделали, трибуны. Тосовские деньги пошли. Начали главу (республики. — А. Б.) приглашать. <...> Нам было необходимо финансирование. <...> Сейчас у нас школа рядом появилась. 40 лет сидели, ничего не было, а тут мы как стахановцы за пять лет все построили» (председатель ТОС, Иволгинский район).

ТОСы (территориальные общественные самоуправления), упомянутые в интервью, не только здесь, но и по всей Бурятии в 2010-е годы стали одним из наиболее массовых и эффективных инструментов по вовлечению граждан в решение проблем местного значения, усилению их гражданской ответственности за развитие территорий, на которых они проживают. Так, если в 2010 году на территории Иволгинского района не было еще ни одного ТОС, то спустя 10 лет их общее число возросло до 78 (Бреславский, Скворцова, 2021: 175). Важно понимать, что сегодня Бурятия — один из лидеров по числу ТОС в России: более 2 тыс. этих объединений граждан по территориальному принципу были организованы во всех городах и сельских районах республики в 2010-е — начале 2020-х годов, а их инициативы покрывают широчайший спектр локальных вопросов (Бреславский, Скворцова, 2021). Важно указать, что этот результат стал возможен во многом благодаря системной финан-

15. Опираюсь на материалы запроса в Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия (Бурятстат).

совой и организационно-методической поддержке движения ТОС правительством региона и активности местных жителей. Бурятия обладает в этой связи весьма редким для российских регионов опытом «мягкого либерализма», «управления через сообщества» (Rose, 1996), интегрируя ТОСы, местных активистов в решение местных проблем.

Уникальность кейсу Хойтобэе создает относительно ранняя гражданская активность местных жителей (еще до выстраивания системы поддержки ТОС), их готовность взять ответственность за решение общих проблем на себя, настойчивая работа с населением, представителями местной, районной, региональной власти, публичная активность в средствах массовой информации, накопленный ранее «задел» собственного участия граждан в решении проблем населенного пункта (сбор личных средств, возведение объектов методом народной стройки, энергичная работа местных активных граждан).

«Все это появилось у нас благодаря людям, их настойчивости. Мы говорили, мы собирались, активно отстаивали свои интересы мощно. Сразу же массово, быстро, в магазинах, в соцсетях всех призывали. Активно говорили, что нам это надо. Простой пример: в 2015 г., когда КДЦ начали строить, на нас обратили внимание, что нам нужна школа, сад. Увидели нашу активную позицию, что мы что-то делаем, строим, кричим, пикеты устраивали, телевидение вызывали, что нашим детям некуда было идти, школы не было. Тогда нам сказали: ладно, будет вам школа, ищите участок. Мы предложили вот здесь, возле КДЦ. Нам сказали — здесь болото. <...> Они решили построить нашу школу в Нижней Иволге, за дорогой, это возле Нур-Селения. Мы такой крик подняли, сразу подписи собирать. Мы туда не пойдем в вашу школу, она у черта на куличках находится. Мы пешком не дойдем, автобусы не будут ездить. Эта школа не для нас, ничего не знаем, делайте у нас, поднимайте грунт и пр. Это мы говорили администрации района, республики. Был большой сход (в 2019 г. — А. Б.), полный зал КДЦ. Телевидение приезжало у нас тогда, мы сказали, что не согласны на изменение плана. Школа нужна была здесь. Мы говорим: решайте! Ну, решили же. Пришли к единому мнению. Район выделил дополнительно еще средства на подсыпку грунта, чтобы поднять фундамент. И вот у нас школа стоит красивая» (председатель ТОС, Иволгинский район).

Местные «пикеты» и «митинги» были здесь локального характера — в самом населенном пункте, а не, например, на центральной площади Улан-Удэ. Отмечу, что в ближайших пригородах Улан-Удэ живет сегодня более 80 тыс. человек, которые имели и имеют множество схожих проблем, но ни разу за последние десятилетия местные жители не выходили ни на центральные улицы города, ни на главную площадь, чтобы обозначить эти проблемы. Ха-

рактерной, несмотря на соседские связи, остается автономность проживания домохозяйств (своя печь/котел для отопления, своя скважина и т.п.), когда семьи мало общаются друг с другом, ограничиваясь совместными чатами, в которых решаются общие вопросы (проведение освещения, уборка и вывоз мусора и т.д.).

Отсутствие сколь-нибудь значительного числа примеров широкой социальной и политической мобилизации местных жителей (вроде кейса Хойтобэе) для борьбы за решение общих проблем, продвижение коллективных интересов опрошенные лидеры ТОС, ДНТ связывают с сохраняющейся автономностью жизни семей, их нацеленностью на решение прежде всего своих собственных проблем, исходя из ограниченности свободных денежных средств.

«Поскольку нет общности в людях, мобилизация крайне сложная. Люди приехали ведь с разных районов (республики. — А. Б.), и стать лидером там очень сложно. Мне кажется, это первая такая проблемная часть. Многие решают свои вопросы самостоятельно, в том числе через какие-то связи (житель ДНТ, Иволгинский район).

Известны лишь единичные случаи, когда жители пригородных ДНТ/СНТ устраивали пикеты и митинги в защиту своих интересов, в частности, в связи с отключением электроэнергии в отдельных ДНТ, а ранее — в связи с угрозой сноса самовольно построенных домов.

То есть причины для этого должны быть *«действительно острые <...> Где-то мы сами понимаем, кто разбирается в тонкостях ДНТ, что нам и не должны помогать. Поэтому какие-то небольшие вопросы вроде освещения, воды, вывоза мусора, собак мы сами решаем, но вот большие объекты: школы, сады нам должно государство строить, я так думаю, налоги мы платим. Многие ведь, когда переехали, строились, были без детей, это их не беспокоило, а сейчас тут по два-три ребенка в семьях, и это всех волновало, все ждали школу»* (житель ДНТ, Иволгинский район).

Одновременно, несмотря на положительный опыт движения ТОС, которые ежегодно на «гранты» регионального правительства решают отдельные небольшие вопросы на местах, многие жители и активы тех же ДНТ сегодня не стремятся к взаимодействию с официальной властью, поскольку предшествующий опыт, в том числе в рамках регулярных избирательных кампаний, оказывался для них преимущественно отрицательным. Коротко эту ситуацию с жителями ДНТ иллюстрирует следующий фрагмент интервью:

«Проблема как раз в этом и кроется. Как начинаются выборы, вы наши. Как начинается благоустройство, грейдирование — вы не наши. И вот это людей зlobит, озлабливает. Они становятся злые на свою администрацию, на контакт не идут. У них низкая активность почему? Они все время об этом говорят, у них проблема всегда эта. Как что-то сделать для них —

провести освещение, грейдирование, так, извините, вы сами соберите деньги. Ваш председатель должен все это организовать. Вы вообще отдыхайте, к нам (администрации пригородного поселения. — А. Б.) вообще не лезьте. Они как за подавнием ходят. Бегают по спонсорам, по депутатам. Они нужны как люди только тогда, когда идут выборы. А после уже нет. При этом бывают ДНТ либо сами с усами — все сами делают, либо вообще ноль, где ничего не делается» (председатель ТОС, Иволгинский район).

Несмотря на наличие общих проблем, объединяющих многие пригородные населенные пункты, ДНТ и пр., единой политической силой сами жители, как показывает исследование, себя не видят, не осознают. При этом рискну предположить, что значительную их часть и вовсе может не волновать повестка благоустройства, коллективной мобилизации для решения общих проблем.

«Они даже не знают, где они участок покупают (смеется). Они потом спрашивают, а что такое вообще ДНТ? Я вообще в каком районе нахожусь-то? В какую администрацию идти? Куда обращаться? Элементарная безграмотность людей. Они берут ценовой политикой, а документы, вот эти нюансы ДНТ или ИЖС, сейчас только начали обращать внимание. Потому что дом да дом, где он, хама угы, без разницы. Сейчас уже понимают, что на инфраструктуру деньги не дают ДНТ, иди сам со своего кармана выкладывай. И то это небольшой процент таких людей, кто понимает. Многие из деревни приезжают. Вот им лишь бы дом такой красивый был, хороший, уютный, рядом с городом. А то, что документы, главное, чтобы не было обременений, чтобы не было долгов, кредитов, не в аресте. Так же как с машиной. Многие приезжают, и лишь бы у них был участок в городе Улан-Удэ. Все, их больше ничего не волнует» (председатель ТОС, Иволгинский район).

Ситуативная природа гражданства проявляется здесь явно. Пока актуальными остаются внешние мобилизационные факторы (необходимость решения общих проблем), существует и гражданская активность. Как только проблемы решаются, гражданство «растворяется» в бытовой рутине. Это проявлялось и в тех случаях, где коллективное гражданское участие формировалось на основе многолетней, интенсивной борьбы за право на адекватную пригородную инфраструктуру:

«И вот когда мы все сделали, все расслабились. У нас же ничего нет, никаких проблем нет, значит, и объединяющего фактора нет. Все отдыхают. Теперь все заняты, все работают, никого никуда не вытацишь, например, на какие-то социальные акции, на уборку, кроме актива» (председатель ТОС, Иволгинский район).

То же касается и движения ТОСов, объединившего тысячи активных, равнодушных жителей на местах по всей территории региона. Став важной общественной сетью гражданских активистов,

ТОСы не стали самостоятельной политической силой, в том числе в Улан-Удэ и его пригородах, поскольку остаются глубоко зависимы от административной, в том числе финансовой поддержки со стороны республиканского правительства.

«Если сейчас убрать ежегодные гранты для ТОС от республики, то их останется процентов 10–15, кто самостоятельно что-то будет делать или при поддержке тех же депутатов (Народного Хурала, местных органов представительной власти. — А. Б.). ТОСы — это все равно контролируемые люди, актив в основном со стороны администрации, согласованные люди. Мы взаимосвязаны. Они нам нужны, мы им нужны. Идет взаимное сотрудничество. <...> Что-то требовать мы можем только на выборах. А выборы у нас они проходят ежегодно, то есть у них есть задачи, они бегут к председателям ТОС и активистам. Но и помогают одновременно. Всех это устраивает. Одновременно растет доверие к власти» (председатель ТОС, Иволгинский район).

При этом инфраструктурные и иные проблемы, подобные тем, что были частично решены в Хойтобэе, оставались нерешенными в большинстве остальных растущих населенных пунктах района, в том числе на территориях новой застройки вроде ДНТ, которые фактически стали «самостоятельными» поселками с многотысячным населением. Во второй половине 2010-х годов, учитывая остроту возникших здесь проблем, ситуацию в пригородах Улан-Удэ уже сложно было игнорировать на республиканском уровне:

«Конечно, когда там накопилось уже масса вопросов, а главное это коснулось тысяч людей, которые работают в городе, все это стало публично обсуждаться. Нельзя было это оставить на местных властей. Социального взрыва, может, и не было, но не забывай, что там тысячи избирателей» (председатель ДНТ, Иволгинский район).

Так, по инициативе правительства республики на рубеже 2010–2020-х годов было инициировано проектирование и строительство на территории ближайших пригородов Улан-Удэ, преимущественно в Иволгинском районе, новых ФАПов, амбулаторий, школ, спортивных, детских площадок и пр. Вполне оправданно эти объекты были привязаны к тем ранее сформировавшимся сельским поселениям, нагрузка на которые существенно возросла из-за высоких темпов заселения и жилищного строительства на окружающей их территории. К примеру, в Иволгинском районе в 2022 году началось строительство сразу нескольких новых школ в разных селах. Эти проекты на фоне длительного кризиса в решении многих проблем пригородных населенных пунктов стали настоящим прорывом, в том числе в оценках местных жителей:

«Конечно, народ это принял с ликованием, с большой радостью. Это, во-первых, решение проблем с детьми долгожданное, ну, а во-вторых, все же понимают, что там, где школа, там и развитие начинается, плюс сразу дома, участки подорожа-

ли. <...> Создали кризисную ситуацию сами люди, но и власть, которая игнорировала эти проблемы, не занималась планированием. Поэтому сейчас эти школы выглядят как манна небесная. И как будто за этим должно последовать еще много изменений» (житель ДНТ, Иволгинский район).

Появление новых школ и других социальных объектов вроде ФАП отразилось не только на частичном решении проблем с детским образованием, медицинским обслуживанием, занятостью, но повлияло и на другие сферы, в частности, на проблему автомобильных пробок. Одновременно новые школы уже стали центрами, усиливающими консолидацию местных в основном разобщенных сообществ. Важно понимать, что за последние 20–30 лет число жителей в таких селах Иволгинского района, как Поселье, Нур-Селение и др., увеличилось многократно.

«Все это разные, малознакомые друг с другом люди, из разных районов республики, с разными менталитетом, ценностями. <...> Последние годы или даже десятилетия они были заняты благоустройством своих домов, а не налаживанием отношений <...> сейчас многие знакомятся в школе впервые» (житель ДНТ, Иволгинский район). *«Отличие ДНТ от того же Солдатского — старого поселка (мкр. Улан-Удэ рядом с ДНТ, в котором проживает информант. — А. Б.), там уже сформированная социальная структура, они хорошо уже друг друга знают. То есть я приезжаю, вижу, что это монолитный поселок, сформировавшийся. А в Поселье (наиболее разросшееся за счет ДНТ село района. — А. Б.) это только-только начинает зарождаться, социальные связи, поскольку появилась школа. Соседи каждый сам по себе живет»* (житель ДНТ, Иволгинский район).

В силу сравнительно низких доходов, закредитованности значительной части местного населения процессы благоустройства городских и пригородных ДНТ в 2000–2010-е годы в основном приобрели и сохраняют затаянной и фрагментарный характер. Имеющиеся средства семьи и сегодня в основном направляют на обустройство собственного дома, участка, и уже в заметно меньшей степени — на развитие улиц/территорий ДНТ в целом.

«Тогда этот момент был переходный, когда люди дома только что построили, деньги туда вложили. Теперь начали думать чуть шире — за ограду. И этот переход был долгий и сложный. Эти 500 руб. (которые актив ДНТ собирает на общественные нужды и не может собрать со всех. — А. Б.) — это не про то, что денег мало, а про то, что житель не готов в общественную инфраструктуру вкладывать. Он говорит, это все мое (про дом и участок. — А. Б.), а это государственное. Хотя это не государственное (речь об общей территории ДНТ. — А. Б.)» (житель ДНТ, Иволгинский район).

Теоретически правом на комфортную жилую среду, равный доступ к общественным благам города и его инфраструктуре могут

и должны обладать все жители пригородных сообществ Улан-Удэ. К этому можно стремиться в логике той же Международной хартии права на город. Однако реальной борьбой за это право занимаются здесь лишь отдельные лидеры местных сообществ — инициативные граждане, лидеры и активисты ТОС-движения, некоторые председатели ДНТ и активисты, проживающие на их территории. Безусловно, в эту работу включались и отдельные лидеры в местных администрациях, где-то возглавившие эту работу, всячески поддерживающие ее. Большую поддержку гражданских инициатив в решении локальных проблем оказывает правительство региона через систему ТОС. Однако наиболее успешно «право на город» реализовали те пригородные сообщества, лидеры которых смогли, с одной стороны, мобилизовать весьма инертные и разнородные «массы» населения для коллективных действий (сбор средств, совместное строительство, общие выступления на собраниях и пр.), а с другой — нашли контакт с представителями власти, смогли обозначить для нее перспективы взаимовыгодного сотрудничества. Вот и получается, что борьба жителей пригородов Улан-Удэ за комфортную среду проживания, широкий доступ к основным общественным благам и инфраструктуре, то, что мы — исследователи — можем называть «правом на город», выстраивается здесь весьма гибко, с учетом разнообразных интересов всех участвующих сторон.

Заключение

Вопрос о том, становятся ли российские города более справедливыми, демократичными, гуманными и устойчивыми, к чему призывает Международная хартия права на город, сохраняет свою актуальность. При всей его значимости он, как представляется, все еще слабо осмыслен отечественными учеными, в то время как города и их ближайшие пригороды остаются главным местом для жизни большей части россиян. Обратив внимание на неравномерность территориального развития Улан-Удэ и его пригородной зоны в условиях стремительной сельско-городской миграции в регионе в 2000–2010-е годы, я затронул, разумеется, лишь часть этой повестки, в то время как многие из вопросов остались за пределами настоящей статьи. Так, в отдельных российских регионах, сравнительно бедных, высокодотационных, вроде Республики Бурятия, несмотря на все возрастающую поддержку государства все еще не решены многие городские проблемы, а сами города не представляют своим жителям, населению ближайших пригородов справедливые, равные возможности в доступе к общественным благам и инфраструктуре.

Отдельные, разрозненные случаи общественной борьбы населения за адекватное качество жизни на городских окраинах и в пригородных населенных пунктах Улан-Удэ имеют важное

социальное и политическое значение, но пока не позволяют говорить о фундаментальных изменениях в модели развития всего города, в которой все еще достаточно неравенства и несправедливости, и не так уж много, например, устойчивой солидарности, консолидации и т.д. Последние, как и гражданская мобилизация в целом, возникают ситуационно, «на время» — для решения отдельных проблем, в то время как большинство местных жителей, как представляется, сторонится коллективных действий. Случай Улан-Удэ в целом указывает на ситуативную природу городского гражданства, фрагментированность городских и пригородных сообществ в их, казалось бы, общей борьбе за адекватное качество городской/пригородной среды, равный доступ к общественным благам и ресурсам города. Он указывает и на разнообразие моральных императивов в обосновании «права на город», которые могут прямо противоречить друг другу, учитывая, что идеалы, заложенные в этом праве, все еще попросту могут не осознаваться рядовыми жителями.

Библиография

- Базаров Б. В., Балдано М. Н. и др. (ред.). (2016). Улан-Удэ: 350 лет: история и современность. В 2 т. Том второй: XX–XXI вв. Иркутск: Оттиск.
- Бреславский А. С. (2014). Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.
- Бреславский А. С. (2017). «Пригородная революция» в региональном срезе (Улан-Удэ) // Крестьяноведение. Т. 2. № 1. С. 90–101.
- Бреславский А. С., Скворцова Ю. П. (2021). Территориальное общественное самоуправление в Республике Бурятия: опыт реализации гражданских инициатив в 2010-е гг. Иркутск: Оттиск.
- Бреславский А. С. (2023). Динамика и типы демографического развития «городских агломераций» ДФО РФ в 1990–2010-е гг. // Ойкумена. № 4. С. 23–35.
- Карбаинов Н. И. (2005). «Нахаловки» Улан-Удэ: гражданское общество на взлетной полосе // Отечественные записки. № 6. С. 192–197.
- Карбаинов Н. И. (2007). «Нахаловки» Улан-Удэ: «огораживание» пригородной земли // Социологические исследования. № 11(283). С. 136–140.
- Blokland T., Hentschel C., Holm A., Lebuhn H., Margalit T. (2015). Urban Citizenship and Right to the City: The Fragmentation of Claims // International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 39. № 4. P. 655–665.
- Harvey D. (2006). “The Right to the City” // Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures. 2003. Oxford: Oxford University Press. P. 83–103.
- Holston J., Caldeira T. (2008). Urban peripheries and the invention of citizenship // Harvard Design Magazine, Spring/Summer. P. 17–23.
- Lefebvre H. (1968). Le Droit à la ville. Paris: Anthropos.
- Marcuse P. (2009). From critical urban theory to the right to the city // City. Vol. 13. № 2–3. P. 185–197.
- Mayer M. (2009). The ‘Right to the City’ in the context of shifting mottos of urban social movements // City. Vol. 13. № 2–3. P. 362–374.
- Merrifield A. (2011). The right to the city and beyond // City. Vol. 15. № 3–4. P. 473–481.
- Rose N. (1996). The death of the social? Refiguring the territory of government // Economy and Society. Vol. 25. № 3. P. 327–356.

Suburbs of Ulan-Ude: Practices of citizenship and the “right to the city”

COBPEMEHHOCTb

Anatoly S. Breslavsky, PhD (History), Senior Researcher, Center of Urban Studies, Tyumen State University, Lenina St., 23, Tyumen, 625003. E-mail: breslavsky@imbt.ru

Abstract. The author shows how local residents of the closest suburbs of Ulan-Ude (which grew rapidly in the 2000s — 2010s due to detached houses construction, including *dacha* non-commercial partnerships (DNP) without basic engineering, housing and social infrastructure) defended their “right to the city” (comfortable environment in suburban residential areas, equal access to urban public goods, etc.). The struggle for this right implied social-political mobilization, awareness and acceptance of personal responsibility for the development of territories, including in the form of territorial public self-government (TPS) that widely developed in Buryatia in the 2010s. However, this struggle was not widespread, all-encompassing, constant and sustainable as local suburban communities remained disunited and united only to solve common problems. The case of Ulan-Ude and its suburbs shows the situational nature of urban citizenship and the continuing fragmentation of urban and suburban communities in their seemingly common strive for the adequate quality of the urban/suburban environment, equal access to public goods and urban resources. The article shows a variety of argumentations for the “right to the city”, which may directly contradict each other, since the ideals embodied in this right often are not perceived by ‘ordinary’ residents. The study is based on the author’s participant observations (from 2011), in-depth interviews with leaders and activists of TPS and DNP in the suburban settlements of Ulan-Ude (2021–2024), a focus group (January 2024) and media publications.

Key words: rural migration, right to the city, Russia, Ulan-Ude, suburbs, citizenship, territorial public self-government

References

- Bazarov B. V., Baldano M. N. et al. (Eds.) (2016) *Ulan-Ude — 350 years: History and Modernity*: in 2 vols. Vol. 2: 20th — 21st Centuries, Irkutsk: Ottisk.
- Blokland T., Hentschel C., Holm A., Lebuhn H., Margalit T. (2015) Urban citizenship and right to the city: The fragmentation of claims. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 39, no 4, pp. 655–665.
- Breslavsky A. S. (2014) *Nezaplanirovannye prigorody: selsko-gorodskaya migratsiya i rost Ulan-Ude v postsovetsky period* [Unplanned Suburbs: Rural-Urban Migration and the Growth of Ulan-Ude in the Post-Soviet Period], Ulan-Ude: BSC SB RAS.
- Breslavsky A. S. (2017) “Prigorodnaya revolyutsiya” v regionalnom sreze (Ulan-Ude) [“Suburban revolution”: The regional case (Ulan-Ude)]. *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 1, pp. 90–101.
- Breslavsky A. S. (2023) Dinamika i tipy demograficheskogo razvitiya “gorodskih aglomeratsiy” DFO RF v 1990–2010-e gg. [Dynamics and types of the demographic development of “urban agglomerations” in the Far-Eastern Federal District of the Russian Federation in the 1990s — 2010s]. *Oikumene*, no 4, pp. 23–35.
- Breslavsky A. S., Skvortsova Yu. P. (2021) *Territorialnoe obshchestvennoe samoupravlenie v Respublike Buryatiya: opyt realizatsii grazhdanskih initsiativ v 2010-e gg.* [Territorial Public Self-Government in the Republic of Buryatia: Civil Initiatives in the 2010s], Irkutsk: Ottisk.
- Harvey D. (2006) The right to the city. *Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures, 2003*, Oxford: Oxford University Press, pp. 83–103.

- Holston J., Caldeira T. (2008) Urban peripheries and the invention of citizenship. *Harvard Design Magazine*, Spring/Summer, pp. 17–23.
- Karbainov N. I. (2005) “Nakhalovki” Ulan-Udeh: grazhdanskoe obshchestvo na vzletnoi poloze [“Smart alecks” of Ulan-Ude: Civil society on takeoff]. *Otechestvennye Zapiski*, no 6, pp. 192–197.
- Karbainov N. I. (2007) “Nakhalovki” Ulan-Udeh: “ogorazhivanie” prigorodnoi zemli [“Smart alecks” of Ulan-Ude: “Enclosure” of suburban land]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 11, pp. 136–140.
- Lefebvre H. (1968) *Le Droit à la Ville*, Paris: Anthropos.
- Marcuse P. (2009) From critical urban theory to the right to the city. *City*, vol. 13, no 2–3, pp. 185–197.
- Mayer M. (2009) The ‘right to the city’ in the context of shifting mottos of urban social movements. *City*, vol. 13, no 2–3, pp. 362–374.
- Merrifield A. (2011) The right to the city and beyond. *City*, vol. 15, no 3–4, pp. 473–481.
- Rose N. (1996) The death of the social? Refiguring the territory of government. *Economy and Society*, vol. 25, no 3, pp. 327–356.